

A woman with long dark hair, wearing a bright green sleeveless dress, is sitting on a white surface. She is hugging a large, red, heart-shaped pillow. The background is a white puzzle with several pieces missing, revealing a brown wood-grain texture. In the top right corner, there is a black asterisk-like symbol followed by the name 'Андрей Меркулов' in a bold, black, sans-serif font.

✱ Андрей
Меркулов

книга третья

Семьи

“ Русская женщина
неповторима.

Неповторима, потому что, принадлежа
по складу своей личности к европейской
культуре, позволяет мужчине быть с ней
дикарем... И не замечать этого.

”

Андрей Меркулов

Семьи. Книга 3

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Меркулов А. В.

Семьи. Книга 3 / А. В. Меркулов — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-512-3

Что такое семья? Ответ кажется очевидным. Базовая ячейка общества, включающая в себя самых близких родственников, – вот первое, что приходит на ум. Но что если данное общепринятое определение видится вам бессодержательным упрощением, шаблоном для массового сознания? Что в действительности лежит в основе современной семьи? Какое место занимает в ней ребенок? Почему так разнится восприятие брака у женщин и мужчин? За счет чего формируется их союз? И почему распадается? Вы задавались этими вопросами и хотите разрешить их для себя? Ответы в этой книге. Роман «Семьи» откроет вам новые грани в понимании взаимоотношений между супругами. Свежий взгляд, глубина и предельная честность – все это изменит ваше восприятие союза мужчины и женщины, освободит от шаблонов, приблизит к истине.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-512-3

© Меркулов А. В., 2018

© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	22
Глава VIII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Васильевич Меркулов

Семьи. Книга третья

© Меркулов А.В., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

Посвящается Ирине Васильевне Меркуловой

Следует признать: никогда прежде за всю историю человечества женщины не были столь независимы и свободны, как теперь.

Осталось избавиться от последнего, главного поработителя собственных потаенных глубинных страхов.

Часть первая

Глава I

Юрий вновь принялся перечитывать те три абзаца, которые он путем невероятных усилий и ценой пяти часов жизни все-таки сумел написать, но неполная страница им самим сегодня только придуманного текста с трудом укладывалась в голове: несколько раз по ходу дела он сбивался и, подхваченный внезапными мыслями, уносился прочь по цепочке пространственных размышлений; когда же вдруг понимал, что опять отвлекся, вынужден был возвращаться на одно, а то и на несколько предложений назад. Через десять минут непрекращающейся борьбы он все-таки сумел продрагаться к последним словам в предвкушении, что вот сейчас сдвинется наконец с мертвой точки, но, переместив уже курсор на начало нового абзаца, с досадой понял, что продолжить не может. От этого рваного, постоянно прерываемого чтения в голове у Юрия возникла одна только каша, в которой он уже мало что разбирал. Можно было попробовать перечитать текст еще раз, но это была бы уже четвертая попытка подряд, тогда как с каждой предыдущей сумбур в его мыслях лишь усиливался. Решив, что продолжать сейчас бессмысленно и необходимо прерваться, молодой человек встал из-за компьютера и направился на кухню.

Поставив чайник, Юрий обратился к приоткрытому окну. На улице было солнечно и необычно для октября тепло. Снег, несколько дней назад выпавший в большом количестве, совсем растаял, и укрытый опавшими листьями двор радовал глаз яркими желто-золотистыми, местами оранжевыми, местами бордовыми красками. «Съезжу, заберу Олю с работы», – глядя на улицу, подумал Юрий. Он еще не выходил сегодня из квартиры, и одна только мысль об этом ободрила его.

С самого утра Юрий Нойманов занимался написанием двухстраничной рецензии, но до сих пор не было готово и одной полной страницы. Защита его кандидатской диссертации была назначена на конец апреля, а до этого времени требовалось получить по крайней мере семь-восемь рецензий на автореферат из различных университетов. Сам автореферат был уже давно напечатан и разослан в сотню высших учебных заведений страны, но вряд ли можно было надеяться на отклик хоть какого-нибудь из них. Рассчитывать на ответ приходилось только приложив в придачу к автореферату готовую рецензию, которую кафедра подписывала и, заверив печатью, отсылала обратно. Соответственно, от Юрия требовалось напечатать с десятков таких рецензий и разослать на кафедры, с которыми уже имелись предварительные договоренности. Это надо было сделать до конца следующей недели, и четыре из них было уже готово, но с каждой следующей писать их становилось все сложнее. Содержание рецензий было строго определено министерским стандартом: в каждой из них должны были быть сформулированы цель диссертации, ее новизна, результаты и еще целый ряд обязательных пунктов. Трудность же заключалась в том, что рецензии, все присланные из разных университетов и от разных людей, не должны были походить друг на друга ни стилистически, ни, что еще более важно, по содержанию. Уже при написании третьей рецензии Юрию стало ясно, что даже просто визуально по-разному оформить десятков документов было сопряжено с определенными трудностями, не говоря уж о том, чтобы во всех из них, не повторяясь, разными словами и фразами изложить обязательные пункты, такие как задачи, результаты диссертации или, скажем, указание на пару имеющихся в работе недостатков.

Налив полную кружку кофе и прихватив два зефира в шоколаде, Юрий вернулся за компьютер, но, увидев на экране монитора открытый файл, сморщился в неудовольствии. Не желая с ходу приступать к мучавшей его весь день рутине, он решил прежде позвонить жене и сообщ-

щить, что заберет ее сегодня с работы. На самом деле заезжать за супругой не было никакой необходимости, но тогда пришлось бы еще как минимум час заниматься рецензией, и он, сам того не сознавая, этим своим добровольным желанием стремился лишь поскорее закончить на сегодня с работой.

Поговорив с женой, Юрий выпил кофе вприкуску с зефиром и только после этого обратился к рецензии. Он прочел целиком первое предложение и даже половину второго, как вдруг решил, что стоящая рядом на столе пустая кружка отвлекает его и нужно отнести ее назад на кухню. Вернувшись, он снова взялся за первое предложение, но теперь, не дочитав даже и его, посмотрел на время. Часы показывали ровно три.

«Через два часа поеду за Олей», – решил про себя Юрий и тут же принялся раздумывать о том, как здорово будет прокатиться по городу на машине под любимую музыку. «А что на ужин сегодня сделаем?» – вдруг пришло ему в голову, и он немедленно направился на кухню, чтобы посмотреть, что можно будет приготовить вечером поесть. В морозилке оказались очень аппетитные голубцы, а на гарнир Юрий определил макароны ракушками, заправленные обжаренной в сливочном масле морковкой. Предвкушая вкусный ужин, когда сам только два часа назад пообедал и минут десять как напился кофе, он вернулся за компьютер.

«Надо хотя бы одну рецензию сегодня закончить», – озадачился Юрий, вновь взглянув в экран монитора. Еще утром он планировал за сегодняшний день написать две, но теперь даже в том, что доделает хотя бы эту, начатую, уже сильно сомневался. Настроив себя самым решительным образом, он принялся перечитывать содержание рецензии; осилив же целый абзац и даже найдя и убрав во втором предложении лишнюю запятую, он вдруг почувствовал, что хочет в туалет. Но, видимо, желание это было ложным, потому что посещение уборной, несмотря на старательно предпринятые попытки, не принесло никакого ощутимого результата, и он опять оказался за компьютерным столом.

Еще полчаса потребовалось Юрию, чтобы прочитать и уместить в голове смысл уже написанных трех абзацев. Воодушевившись, он наконец перешел к четвертому. Этот абзац должен был описывать научную новизну диссертационной работы и взгляд рецензента на ее актуальность. Юрий прекрасно понимал тот вклад в расширение научного знания, который вносит его работа, но он должен был сформулировать его уже в седьмой раз: научная новизна была изложена в диссертации, в автореферате и в каждой из четырех законченных рецензий. Сейчас ему снова надо было описывать ее, но уже по-другому, отлично от всех предыдущих вариантов. Юрий открыл готовые рецензии и принялся просматривать этот обязательный пункт в каждой из них, чтобы исключить повторения, но когда на третьем варианте все эти формулировки смешались в голове в один нечленораздельный текст, зародившееся было в нем воодушевление исчезло окончательно. Он посмотрел на время – без десяти минут четыре.

«К семи сегодня собираемся», – вспомнил Юрий о событии, от которого весь день старательно отмахивался, чтобы не сбивать себя с рабочего настроения. Сегодня была пятница, и они с товарищами наметили партию в боулинг-клубе, в котором заранее уже была заказана дорожка. Мысль о предстоящем вечере моментально завладела его сознанием, и следующие минут десять он думал только о том, как проведет с друзьями это время, представляя разговоры, пиво, музыку, интересную игру...

Некоторое время Юрий предавался грезам, а когда опомнился, увидел перед собой укоризненно обращенную к нему своим единственным незаконченным листом рецензию – результат целого дня его жизни. Зажмурившись в болезненном разочаровании, он тяжело выдохнул и, опустив голову на руки, закрыл обеими ладонями лицо.

Это была самая главная и мучительная проблема для Юрия: он не мог работать не отвлекаясь. Сконцентрироваться на каком-либо предмете хотя бы только на протяжении часа было для него непосильной задачей. Не переставая боролся он с этой бедой, всячески стараясь ограничить влияние отвлекающих факторов. Каждый раз во время работы Юрий убирал со стола

все вещи, выключал телефон, зашторивал окно, закрывал дверь в комнату и, конечно же, в обязательном порядке обрубал интернет. Он давно уже понял, что когда под рукой имелся доступ в сеть, работать становилось попросту невозможно, и, желая наверняка отгородить себя от этой паутины, он разъединял кабель даже не в квартире, а в подъезде, чтобы уже точно не иметь соблазна «только на минутку» вновь включить его.

Но все попытки Юрия заставить себя сконцентрироваться приносили, по его мнению, мало результатов. Деятельность, которая не являлась срочной и которой не сопутствовало давление извне, непременно сопровождалась у него сильнейшим бессознательным желанием отложить работу. Вот и теперь, корпя над рецензиями, Юрий заранее и почти наверняка был уверен в том, что растянет оставшиеся из них до конца следующей недели, а когда его начнут давить сроки, напишет их все в полдня. Ясно понимал он, что в таком случае эта неделя, которую он мог бы посвятить своим исследованиям или тянувшейся с самой весны научной статье, пропадет для него совершенно, и осознание подобного бессмысленного растрачивания своей жизни рождало в нем всегда самые тягостные переживания.

С усилием помяв ладонями кожу на лице, Юрий убрал руки и снова взглянул на время – без пяти четыре. «Может, уже и закончить на сегодня?» – пробилась наконец в его сознание соблазнительная мысль. Весь день томилось в нем это сильнейшее внутреннее желание прекратить работу, проявляясь в виде всевозможных отвлечений и ища только нужного момента ясно заявить о себе. Именно это подсознательное стремление заставляло Юрия то и дело смотреть на время, ожидая подходящего мгновения, чтобы вырваться. «И так день не зря прошел – почти страницу написал... А продолжать смысла нет. Через час уже за Олей ехать. Да еще одеться надо будет. Что я успею? Только перечитать; ну, может, еще абзац написать... Лучше интернет подключить да в сети полазить это время», – ясно проявившееся желание прекратить работу все более захватывало Юрия, заставляя его убеждать самого себя. Но если еще только год назад под действием этого стремления он давно бы уже забросил рецензию, то теперь так просто сдать ее не мог. Мысль о том, что этот час (а если не ехать за супругой, то все два) можно было довольно плодотворно поработать, хотя и оказалась теперь оттеснена в подсознание, не потеряла для него своей значимости.

Некоторое время Юрий сидел за компьютером, с безысходным выражением лица уставившись в монитор, не находя в себе сил взяться за рецензию, но продолжая сопротивляться соблазну сказать на сегодня работе твердое «нет». Он пребывал в мучительной борьбе с самим собой, как вдруг услышал странное, ни на что не похожее цоканье.

Глава II

Звуки какого-то скребущего шороха раздавались из коридора. Юрий замер и прислушался – это было необычно. Никогда еще, находясь дома один, он не слышал ничего подобного. Источник звуков явно был в квартире и по тому, что они становились все громче, очевидно, приближался к комнате, где он сидел. Юрий поднялся с кресла и настороженно, не зная даже, чего и ожидать, открыл дверь и выглянул в коридор.

Прямо посреди коридора на полу сидела небольшая птичка. Маленькая желтая канарейка, шурша и шкрябая по линолеуму тоненькими когтистыми лапками, сделала несколько коротких прыжков в его сторону, а затем замерла и, резкими движениями поворачивая головку в разные стороны, принялась оглядывать его по очереди то одним, то другим своим черненьким глазком.

Зрачки у Юрия вспыхнули, лицо осветилось непроизвольной, восторженной, еле сдерживаемой детской радостью. Стараясь умирить взволнованное дыхание, он медленно трепетно опустился на корточки, как опускаются перед каким-то благовестным чудом, а оказавшись у пола, двинулся чуть ближе. Вытянувшись вверх всем тельцем, как бы удивляясь смелости его намерений, птичка скакнула в сторону. Поняв настороженность гостьи и боясь спугнуть ее, Юрий замер и стал разглядывать канарейку с расстояния, пытаясь свыкнуться с этим маленьким хрупким желтым живым созданием, непостижимым образом оказавшимся здесь, в его квартире, посреди темного коридора. «Откуда она появилась? – пытался уяснить он для себя. – Все окна закрыты. Кухонное? Но оно лишь приоткрыто немного, да еще зашторено».

Подождав немного, будто специально позволив себя как следует разглядеть, канарейка сделала очередной прыжок в сторону, затем сразу второй и, уже не приземляясь, шустро и звонко затрещав маленькими крылышками, мгновенно скрылась за углом коридора.

Юрий вышел из комнаты. Тихие звуки доносились с кухни. Он не сразу нашел птичку: она сидела внутри стеклянной люстры, прямо возле горевшей лампочки, а когда он подошел ближе, слетела на холодильник и, оставаясь на нем, продолжила свое внимательное наблюдение за стоявшим перед ней человеком. Подойдя ближе, Юрий улыбнулся уже смелее и шире и тут же, будто опомнившись, поспешил за телефоном.

– Ты представляешь, что сейчас произошло?! – радостным, каким-то даже ликующим голосом выпалил он супруге, только та взяла трубку.

– Не-ет. Что?

– Не поверишь! Сажу, работаю; вдруг слышу какой-то странный шорох. Выглядываю в коридор, а там птичка! Представляешь?! Птичка!

– Да ты что?! – раздался в трубке взволнованный и не менее радостный возглас Ольги.

– Да!!! – воскликнул Юрий, реакция супруги многократно усилила его эмоции.

– С ума сойти!.. – еще не до конца осмыслив услышанное, протянула Ольга. – А что за птичка?..

– Маленькая, желтенькая. Канарейка походу.

– Канарейка?!.

– Да.

– Она, наверное, через окно от соседей залетела.

– Скорее всего.

– Слушай, закрой скорее окна, если еще не закрыл.

– Зачем?

– Оставим для Саши. Я давно уже хотела кого-нибудь ей завести.

– Для Саши?

– Конечно. Раз она у кого-то жила, значит, наверное, и ручная. Обязательно закрой все окна.

– Давай оставим, я согласен, – начал Юрий. – Прямо сейчас на рынок за клеткой схожу. Но закрывать окно не буду: пусть, если хочет, улетает.

– Да ты что?! – удивилась Ольга. – Октябрь на дворе. Снег месяц лежал. Если она улетит, то даже ночь на улице не переживет.

– Нет, закрывать окно не стану... В общем, жди, – заторопился он. – Я за тобой заеду, а сейчас на рынок побежал.

– Давай. Жду.

Юрий вернулся на кухню. Канарейка тем временем перебралась с холодильника на шкафы и, прыгая по ним, с любопытством изучала комнату.

«А вдруг она прилетела откуда-нибудь, где ей было хорошо? – наблюдая за птичкой, размышлял про себя Юрий. – Надо убрать штору – может, она хочет улететь, но не знает как». Подойдя к окну, он сдвинул занавеску к самому краю гардины, но, не удовлетворившись этим, еще шире распахнул открытую на улицу створку.

Быстро одевшись, Юрий пошел на ближайший от дома рынок, в котором, он знал, имелся отличный павильон с разными атрибутами и кормами для домашних питомцев. Выбрав самую большую клетку для одной канарейки из тех, которые только были в наличии, он купил еще упаковку корма, а в придачу взял во фруктовой лавке грушу – канареечное лакомство, которое ему особенно порекомендовала продавщица в павильоне.

Вернувшись домой и только переступив порог, Юрий закрыл дверь и в волнении прислушался. Хотя он и убрал штору, давая канарейке возможность при желании улететь, самому ему этого совсем не хотелось. Он замер и затаил дыхание в попытке уловить малейшие шорохи, чтобы скорее убедиться, что канарейка все еще в квартире, но лишь полная тишина ответила ему. Встревожившись, Юрий разулся и прошел на кухню: ни в люстре, ни на шкафах канарейки не было. Оставив купленные вещи на столе, он еще раз осмотрелся – кухня была пуста. Заранее готовя себя к разочарованию, Юрий направился в комнаты, но, еще находясь в коридоре, услышал доносившееся из детской слабое шуршание. Канарейка хозяйничала у него на столе, а когда он вошел, перепрыгнула с клавиатуры на маленький декоративный глобус, стоявший на одной из полок стола, и, наклонив головку, устремила на него внимательный взгляд.

Просияв от счастья, Юрий побежал на кухню и, взяв коробку с кормом, вернулся и рассыпал немного у себя на столе: канарейка тут же слетела к нему, начав шустро и ловко расшелушивать высыпавшиеся зернышки. Теперь она была совсем рядом, в нескольких сантиметрах от Юрия, и он с интересом разглядывал это маленькое живое чудо, которое само неожиданно-негаданно нашло его. Остренький клювик канарейки одно за другим шустро выхватывал зернышки, так ловко обрабатывая их, что в доли секунды от круглых ядрышек на столе оставались лишь прозрачные кожурки; ножки у птички были тоньше спичек, и не вполне верилось, что они способны удерживать тельце; на голове же ее с самого верха над глазами, торча в разные стороны жесткими черненькими перышками, красовался круглый хохолок, выглядящий как надетая на птичке кепочка или модно накрученная прическа.

Юрий засмотрелся на канарейку, и только когда она вспорхнула назад на глобус, вспомнил, что ему еще нужно было забрать с работы жену, и поспешил на улицу.

Глава III

– Значит, канарейка в гости пожаловала? – сев в машину, сразу же обратилась к мужу Ольга.

– Да! Представляешь?!

– Ты закрыл окна? Она не улетела?

– Нет, не улетела.

– Прикол! – просияла в радостном предвкушении Ольга. – На кафедре все сказали, что это птица счастья!

– Увидишь – так и есть, – широко улыбнулся Юрий.

– Ты Сашу не забирал еще?

– Нет.

– Вот обрадуется-а! А я давно думала о питомце. Птичка ли, собачка ли, ежик – обязательно надо было кого-нибудь завести. Тем более когда ребенок один растет. Это очень нужно для детского развития... Она, наверное, из какой-нибудь квартиры?

– Наверное. Вряд ли с рынка могла долететь. Скорее всего, из нашего дома или из соседнего.

– Может, она ручная?

– Похоже.

– Что, правда?!

– Да. Я насыпал корма, и она, не боясь, прямо ко мне подлетела и стала клевать.

– Здорово! Поехали за Сашей скорей!

Юрий позвонил дочке. Уроки у нее закончились, и она, одетая, уже ждала родителей в школе.

– Надо потихоньку начинать приучать Сашу самой в школу ходить, – заметил он, отключив телефон.

– Ты что?! – выпучив глаза, вся вдруг встрепенулась Ольга. – В школу самой ходить? Маленькая еще!

– Как маленькая? Второй класс.

– Именно – второй класс! Всех детей в младших классах родители в школу водят. Да и в пятом тоже многие. Тем более в N-ске.

– Брось ты. Не по вечерам же она ходить будет, а днем.

– Днем, – усмехнулась Ольга. – Сегодня только на кафедре женщины про педофила говорили. Ты не слышал? Новый педофил в нашем районе появился. Ловит у школ детей, которые одни без родителей ходят, оттаскивает в подъезды и насилует. Вот так и отпускай детей одних, – Ольга посмотрела на мужа и, убедившись, что он не собирается возражать, заключила: – Нет уж, пока в младших классах – будем водить.

– Где? Где она?! – подпрыгивая на месте от нетерпения, весело затараторила Саша, когда вся семья оказалась дома.

– Сейчас посмотрим, – ответил Юрий. Мельком глянув в кухню и не найдя там ничего живого, он направился в детскую комнату. Ольга и Саша шли следом за ним.

Склевав со стола все зернышки, канарейка сидела на облюбованном ею глобусе и, поджав лапки с головкой, нахохлившись, распушившись в маленький объемный желтый комок, дремала; при появлении же людей встрепенулась и, сделав на месте несколько прыжков, принялась с интересом изучать их.

Зайдя в детскую и увидев птичку, все затихли. Даже Саша, до этого от волнения не находившая себе места, замерла, с приоткрытым ртом разглядывая нового члена семьи.

– Вот приколы, – весело сказала Ольга. – Давай попробуем ее с руки покормить.

Насыпав немного корма на ладошку, она выставила ее вперед от себя, а еще несколько зернышек выложила рядом на столе. Увидев рассыпанные зерна, канарейка слетела и быстро щелкала их, а затем, наклонив набок головку, как бы раздумывая, стоит ли брать те, которые лежали в руке, короткими прыжками стала медленно подбираться ближе. Стараясь не спугнуть птичку, Ольга замерла, а когда та, сделав очередной прыжок, уселась ей на ладонь и стала клевать лежавший на ней корм, просияла радостной улыбкой.

Увидев, что канарейка ест с маминой руки, Саша, все время с выпученными глазами наблюдавшая за происходящим, весело засмеялась.

– Тоже хочешь? – спросила у нее Ольга.

– Да. Да!

Шевельнув рукой ровно с такой силой, чтобы только слетела канарейка, Ольга пересыпала корм в маленькую ладошку Саши.

– Руку-то выстави чуть-чуть, – обратилась она к дочери.

Но Саша под влиянием вдруг охватившего ее трепетного страха совершенно остолбенела и, лишь широко раскрыв глаза, как замороженная смотрела то на канарейку, то на свою ладонь, похоже, вовсе не слыша слов матери. Взяв дочку за локоть, Ольга помогла ей выставить руку вперед.

Сидевшая на столе канарейка прыгнула на приблизившиеся к ней слегка подрагивающие пальчики. Когда же тоненькие когтистые лапки опустились на ручку, Саша невольно чуть отдернула ее, тут же судорожно засмеявшись своему собственному испугу. Пытаясь сбалансировать, канарейка расправила крылышки, но не слетела и, когда девочка вновь замерла, принялась собирать зернышки. Наполовину напуганное, наполовину счастливое лицо Саши раскрылось широкой детской улыбкой.

– Клюется! – не шевеля головой, как будто такое движение тоже могло спугнуть канарейку, искоса оглянув родителей одними только глазами, сказала Саша. Взгляд ее сиял счастьем на раскрасневшемся от эмоций личике.

– Вы-то покормили, – выждав, пока дочка вполне насладится моментом, сказал Юрий обиженным голосом. – А я тоже хочу.

Вскоре и он, забыв обо всем на свете, держал канарейку на вытянутой руке, умиленно-восторженно наблюдая за ее действиями.

– Так ты клетку купил? – спросила Ольга.

– Да, – ответил он машинально, не вполне осознавая, что у него спрашивали.

– А где она?

– На столе.

– На каком столе?

– На кухонном.

– Куда ее повесим?

– Там же на кухне и повесим, – постепенно включившись в разговор, взглянул на супругу Юрий. – Куда еще?

Ольга помыла клетку, наполнила находившиеся в ней кормушку с поилкой и принесла в детскую. Канарейка сразу же залетела внутрь и, расположившись по-свойски на жердочке, спокойно позволила перенести себя вместе со своим новым домом на кухонный подоконник.

Переодевшись в домашнее, супруги принялись готовить ужин.

Глава IV

В те дни, когда Юрий плодотворно работал и многое успевал, он и не думал помогать супруге на кухне. В таком случае его переполняло чувство истинного, полного удовлетворения, и он, окончив дела, с чистой совестью садился за компьютерную игру, выходя только для того, чтобы съесть приготовленный женой ужин, после чего тут же возвращаясь в виртуальный мир, пребывая там вплоть до отхода ко сну и, как правило, почти не контактируя с семьей. Но таких моментов было немного, и в основном жизнь Юрия состояла из дней, подобных сегодняшнему, когда его заедала мысль о своей никчемности и лени. Он не осознавал эту мысль – просто чувствовал сильнейшие угрызения совести; а тот факт, что жена трудилась в университете, пока он целый день отвлекался на самые разные мелочи, лишь умножал гнетущее чувство вины. И, неосознанно стремясь хоть как-то компенсировать его, в такие дни Юрий с особенным рвением помогал супруге: забирал дочку из школы, чтобы Ольга не шла за ней после работы, участвовал в приготовлении ужина, иногда даже в одиночку готовил его, а после мыл за всеми посуду или чинил что-нибудь по дому. Эти семейные заботы приносили хоть какие-то результаты в прожитый им день, отчасти наполняли его смыслом, и тогда ощущение собственной никчемности уже не терзало его так яростно, как прежде.

– Что на работе было? – почистив морковь для макарон и взявшись за жарку размороженных в микроволновке голубцов, обратился к супруге Юрий.

– Ничего особенного. Две лекции и одно практическое занятие... С женщинами на кафедре педофила обсуждали. В интернете про него читали. Один ребенок, кстати, из нашей школы был.

– Понятно.

– А ты как поработал?

– Ай, – сморщив лицо, виноватым взглядом обратился к супруге Юрий. – Плохо. Ленился весь день.

– Ну, не расстраивайся, – сказала Ольга, утешающе поглаживая мужа по плечу. – Я завтра с утра убираться буду, потом с Сашей уроки на понедельник делать, а ты закройся в детской и занимайся хоть целый день.

Юрию стало легче. В особенно никчемные дни он охотно каялся Ольге, желая получить от нежной и внимательной по своей натуре супруги сочувствие и поддержку, которые всегда дарили ему душевное успокоение.

– Во сколько вы с друзьями встречаетесь?

– На семь договорились.

– Так тебе уже скоро ехать.

– Да. После ужина сразу поеду.

– А кто будет?

– Глеб, Ринат, Женька и Денис.

– Что за Денис? – вопросительно посмотрела на мужа Ольга.

– Легков. Ты его не знаешь. Женькин друг.

– Вода вскипела, – открыв крышку кастрюли, сказала Ольга. – Давай макароны сбрасывать.

– Как вскипела? Так быстро? – удивился Юрий, заглядывая в кастрюлю. – Ты снова воды мало налила?! – повысив голос, укоризненно обратился он к супруге.

Несколько месяцев назад впервые за восемь лет совместной жизни увидев, что Ольга варит макароны в очень небольшом количестве воды, Юрий высказал свое недовольство по этому поводу, заметив, что если воды наливать больше, то тогда готовые макароны не слипаются в одну бесформенную массу и блюдо получается вкуснее. Ольга согласилась с ним, но с

тех пор супруги неоднократно возвращались к этому вопросу, и Юрия особенно раздражало данное обстоятельство.

– Ты бы так и сварила в этой воде?! – не получив ответа на свой первый вопрос, грозно взглянул он на супругу. – Да?!!

– Да! Так бы и сварила! – тоже вдруг раздраженно выпалила Ольга.

Она налила немного воды случайно, по старой своей годами выработанной привычке, в сущности же была согласна с Юрием, что при готовке его способом, получалось вкуснее; но властные авторитарные упреки, почти угрозы супруга возмутили сейчас ее, и она всей душой восстала против такого прямого и наглого подавления своей воли.

– Сколько раз я тебе повторял, что для макарон нужно большое количество воды?! – нахмурился Юрий. – Неужели так трудно запомнить?!!

– Как хочу – так и варю! – глядя супругу в глаза, медленно проговорила Ольга, все более протестуя против грубого давления мужа.

– В смысле «как хочу, так и варю»?!

– Всегда так буду варить!

– Я не понимаю, тебе что, сложно просто воды больше налить?!

– Да, сложно налить!

– Дура! – поняв, что жена противоречит исключительно ему назло, с желчной насмешкой сказал Юрий. Он терпеть не мог в Ольге эту черту – склонность к глупому, бездумному противоречию, и оскорбил сейчас ее не в чувствах, а осознанно, даже с каким-то удовольствием.

– Сам дурак!

– Подожди, – уже спокойным тоном продолжил Юрий. Обозвав жену, он в глубине души почувствовал себя виноватым и не мог теперь кричать на нее. – Мы же с тобой сто раз это обсуждали: макароны будут вкуснее, если варить их в большом количестве воды.

– Всегда так буду варить, как теперь! – вытянув шею, категорически выпалила вконец взбудораженная оскорблением Ольга. – Не нравится – сам вари!

Услышав эти слова, Юрий по-доброму усмехнулся. Последнюю свою фразу, в которой супруга упрекала его, что он способен только критиковать, сам ничего не делая, она снова произнесла не подумав, и злость на жену у него совершенно пропала – ясно увидел он, что в ней говорили одни слепые эмоции.

– Я бы и сварил, – самым невинным образом приподняв брови, ответил он, – если бы голубцы не жарил. В следующий раз давай поменяемся: ты жарь голубцы, а я с удовольствием сварю макароны. И давай всегда буду варить их я. Но в этот раз получилось наоборот, и если варишь ты, то наливай, пожалуйста, больше воды. Ведь так вкуснее получается. Это же не сложно.

– Сложно!

– Да в чем сложность-то?

– Если много воды налить, то дольше ждать придется, пока она закипит, а я, между прочим, голодная – с работы! И вообще, *нормальный* муж взял бы и заранее сам все сделал, чтобы, когда жена придет, ужин был уже готов. Я весь день отработала и должна еще вечером варить, а ты с самого утра дома сидел – ничего не делал!

Последние слова Ольги острым лезвием полоснули Юрия по самому живому: он замолчал, и все время до ужина супруги больше не разговаривали.

Ели тоже молча. Общались исключительно с дочкой, и то отвечая на ее живые вопросы строгими односложными ответами, так что и она, почувствовав общее напряжение, вскоре притихла.

Каждый был обижен на супруга: Ольга – за то, что муж обозвал ее; Юрий – за последние жестокие слова жены. При этом никто из них не видел сейчас никаких значимых причин, которые привели к ссоре и тем более по которым стоило бы продолжать конфронтацию. Но

первым идти на сближение никто не хотел: на кухне установилось полное молчание, прерываемое лишь бряцаньем ложек о тарелки, как вдруг тишину разрушило пение.

Запела канарейка. Голосок ее наполнил комнату тихими лаконичными переливами.

– Что это? – радостно вытаращила глазки Саша, и вся семья как по команде дружно развернулась к подоконнику.

Канарейка продолжала свое ласковое пение; неожиданно оно сменилось на задорное цоканье, потом звонкий треск, приглушенное щебетание, и снова полились волны упоительной музыки.

– Можно мне ее потрогать?! Я только на секунду! – подскочив и подбежав к подоконнику, воскликнула Саша, приближая лицо вплотную к стоявшей на нем клетке и уже готовясь просунуть руку в открытую дверцу.

– Нет, Саша, – раздался строгий, но спокойный голос Юрия. – Смотри, как она притихла сразу, – тоже подойдя ближе и наклоняясь к клетке, продолжил он. – Ее можно легко напугать, так что петь совсем не будет больше. Лучше вообще к клетке близко не подходить, – тихонько отодвинул он дочку. – С расстояния наблюдай: ты же такая большая уже, а она смотри какая крошка. Видишь – снова запела.

Когда канарейка продолжила пение, Саша опять просияла и вместе с отцом вернулась за стол. Ольга теперь тоже улыбалась, с интересом внимая разливающимся по комнате звукам. За неполные тридцать лет жизни она никогда не слышала ничего подобного: пение канарейки и близко не походило на чириканье самых голосистых птичек, которых только можно было встретить в N-ской области.

– А как мы ее назовем? – вдруг весело обратилась она к Юрию.

– Не знаю, – улыбаясь, ответил тот.

– Можно Желток, – сказала Саша.

– Или Элвис, – предложил Юрий.

– Но это все мужские имена.

– А откуда ты знаешь, что это девочка? Может, мальчик и есть.

– Надо будет завтра к ветеринару отнести. Там ее и осмотрят, и заодно пол скажут. А потом уже можно будет и насчет имени решать...

Ужин завершился самыми радостными эмоциями и полным примирением между супругами.

Глава V

Сдав при входе куртку в гардероб, Юрий прошел в игровой зал клуба. Как обычно для пятничного вечера, все дорожки были заняты и в помещении стоял жуткий грохот шаров, один за другим врезающихся в пирамиды кегель, из-за которого почти не слышалось срывающейся с динамиков музыки, да и вообще мало какие звуки можно было отчетливо разобрать. Окинув взглядом столики и не найдя друзей, Юрий направился к стойке регистрации дорожек.

Женщина с бейджиком администратора на груди сидела за стойкой, склонив голову над какими-то бумагами. Когда к ней подошел Юрий, она даже не шелохнулась, по-видимому, вовсе не заметив в окружающем шуме его приближения. Не поднимая головы, женщина продолжала энергично записывать что-то в лежавшую перед ней тетрадь. Чтобы привлечь внимание администраторши, Юрию нужно было как-то обратиться к ней, и это простое, казалось бы, обстоятельство неожиданно обернулось для него затруднением.

Русский язык, пожалуй, единственный, в котором не сформировалось стойкого обезличенного обращения. Причем такое положение дел существовало не всегда. В царские времена их было даже в избытке: «господин», «госпожа», «мадам», не говоря уже о бесчисленном множестве градаций по классам и родам, от «графов» и «князей» до «лакеев» и «мужиков». Во время социалистической революции, провозгласившей крушение классового общества и равенство всех людей, в качестве символа этого равенства возникло одно универсальное, не имеющее деления даже по половому признаку обращение – «товарищ». Но когда Союз рухнул и обращение «товарищ» стало непопулярным, придумать другие как-то не успели, и мужчин стали называть просто «мужчина», а женщин – «женщина».

Юрий стоял в раздумье, как бы лучше обратиться к администраторше. «Женщина» в данном случае было неприемлемо: это обращение, по его мнению, звучало грубо и подходило разве что для перепалок где-нибудь на рынке или в очереди к чиновнику. Сказать «девушка» было бы глупо: если бы женщина была средних лет, ну хотя бы до сорока пяти, это еще возможно было сделать, но администраторша была возраста явно забальзаковского, с пробивающейся сединой в небрежно покрашенных волосах, с шелушащимися сухой кожей морщинистыми руками, и «девушку» логично было бы приять за пошлую лесть, а скорее даже за откровенную насмешку. Пролетарское «товарищ» – просто нелепо; «гражданка» – вообще никуда не годится. С полминуты Юрий стоял, перебирая в голове различные варианты, силясь найти какое-нибудь приемлемое обращение, но, ничего не придумав, решил привлечь внимание администраторши без слов: он перегнулся через стойку и наклонился к ней так близко, что почувствовал тяжелый, отдающий спиртом запах ее туалетной воды. Заметив посетителя, администраторша оторвалась от своего занятия и обратила к нему вопросительный взгляд.

Выяснив, что забронированная на его имя дорожка оказалась у самой стены, Юрий немало порадовался этому: крайняя дорожка была не только наиболее тихой, но и уютной, потому что гарантировала, что по меньшей мере с одной стороны точно не будет посторонних. Из друзей еще никто не приходил, и он, переобувшись и заказав бутылочку пива, решил не терять времени и в ожидании товарищей размяться игрой одному.

Юрий был откровенно слабый игрок в боулинг. Росту чуть выше среднего, он обладал стройной комплекцией, и у него никогда не получалось сильных ударов. Рассчитывать на страйк ему приходилось только в случае, если он посылал снаряд строго между первой и третьей кеглей, если же удар приходился пусть даже прямо по центру, то редко когда запущенному им шару хватало импульса снести всё разом. Не имея сильного удара, Юрию оставалось полагаться исключительно на точность своих бросков, но здесь тоже все было не так гладко. Случалось, он входил в раж, и тогда шары катились строго в нужном направлении, так что выбить одиноко стоящую у самого края дорожки кеглю не представляло для него никакого труда; но

с такой же вероятностью могло напасть крайнее невезение, и в этом случае снаряды один за другим улетали в «молоко».

Подобрав себе наиболее подходящий по весу снаряд, Юрий сделал несколько бросков. Первые удары оказались не очень удачные, пару раз даже шар улетал, так и не задев ни одной кегли, но дело быстро выправлялось и дошло до того, что при очередном броске легла вся пирамида.

– Страйк! – раздался громкий и веселый возглас за спиной у Юрия, когда свалилась последняя, шатающаяся, будто в нерешительности, кегля.

Глава VI

Юрий обернулся: возле столика стоял широколицый голубоглазый мужчина с жидкими светлыми, почти белыми волосами. Он был возрастом лет тридцати пяти, среднего роста, довольно плотного телосложения, одет в джинсы и белую навывпуск рубашку с яркими крупными красными и коричневыми пятнами, нанесенными хаотично, как если бы кто-то разлил на нее краску. Повернув вбок голову и расставив в стороны руки, будто открывая всего себя, мужчина улыбнулся двумя красивыми рядами ровных белоснежных зубов.

– Денис, – тоже улыбнулся Юрий, подходя к другу и протягивая ему руку.

Поставив на стол четыре бутылки пива, которые он держал по две в каждой руке, Летков размашисто, со смачным хлопком ударил по предложенной ему ладони и, крепко сжав ее, притянул Юрия вплотную к себе, второй рукой несколько раз дружески похлопав друга сзади по плечу.

– Значит – серьезно настроен, – весело кивая на выставляемую автоматом новую пирамиду, сказал он. – Наверное, по утрам тренироваться ездил.

– Ха-х. Ну да, – усмехнулся Юрий.

Летков ловко зажигалкой открыл одну из принесенных им бутылок пива, и друзья уселись за стол.

– А где Женьку оставил? – спросил Юрий. – Вы же вместе собирались приехать.

– Сдулся Женька.

– Что, серьезно?

– Да, – отхлебнув пива прямо из бутылки, весело произнес Летков. – Благоверная закрыла.

– Блин, жалко. Хотелось бы повидаться с ним.

– Знаешь, я уже не жалею. Ты когда с ним последний раз виделся?

– Когда? – всерьез задумался Юрий. – В августе на речку ездили.

– Во-во! Я тоже где-то там же. Раз в два месяца теперь пересекаемся. Как женился – так все.

– Прибрала жена к каблуку.

– Да. Жестко взялась, – сказал Летков, приподняв в воздух раскрытую ладонь, будто обхватывая ею что-то снизу, и с силой сжав в кулаке. – Пропал Женька. Вот она – замужня жизнь.

– Ребенок маленький, – заметил Юрий. – Надо полагать.

– Да ладно ты – «ребенок маленький». Ну, реже встречаться – понятное дело. Но не раз же в два месяца? У тебя дочка маленькая была – ты же не сидел дома безвылазно. А он все – под каблук. Ты думаешь, ребенок подрастет – что-то изменится? Я в этом очень сомневаюсь. Не-ет, дружище, Женьку мы потеряли.

Из всей компании Летков был единственный заядлый холостяк. «Личная свобода» – это словосочетание представляло для него совсем не пустой звук. Он видел в ней смысл, дорожил ей и до тридцати лет не задумывался о семье вообще. После – стал допускать возможность таких отношений, но лишь в том случае, если бы основные его свободы при этом никак не ущемлялись. Он с удовольствием представлял себе хозяйку в доме, заботящуюся о быте, но при этом не контролирующую его финансы; любовную спутницу, искушенную и знающую его желания, но не претендующую на свою исключительную роль; веселых и послушных детей, но с тем условием, чтобы забота о них была всецело обязанностью супруги. Постепенно прежде всегда очень скоротечные романы Легкова стали продолжительней. С двумя девушками он сожительствовал некоторое время: с первой спустя год расстался, а со второй, прожив под одной крышей без малого два года, к вящему удивлению всех друзей неожиданно расписался.

Компания недоумевала: всем это казалось чем-то необычным, почти невероятным, но продолжалось недолго – через десять месяцев семейной жизни в марте этого года новоиспеченные супруги развелись.

– Когда Женька женился? Два года назад?

– Где-то так, – напрягая брови и морща кожу на лбу, ответил Юрий. – Может, даже и меньше.

– Хэ-х, – откинувшись на спинку кресла с бутылкой пива в одной руке и сигаретой в другой, ухмыльнулся Легков. – Представляешь – двух лет не прошло. Сколько раз я замечал: встречаются, дружат, живут вместе – нормально; как только женятся – всё! Тот же Женька – он же со своей больше года до свадьбы дружил. Ты помнишь, чтобы в это время какие-нибудь трудности были? Не-е-ет. До свадьбы – все отлично. Уехать гулять неизвестно куда в субботу на всю ночь – пожалуйста; решил провести отпуск с друзьями на озере – пожалуйста... Да что Женька – я это все на собственном опыте изучил. Как только расписался – отношения тут же меняются. В считанные недели буквально на глазах трансформируются. И в этом – главный секрет.

– Секрет?

– Да, секрет. Секрет оптимальных отношений.

– Это что такое?

– Оптимальные отношения?

– Да.

– По сути – идеальные отношения с женщиной. Почти идеальные – с одним только недостатком.

– И что это за отношения? – испытывая неподдельный интерес, спросил Юрий.

– Сожительство. Типа гражданского брака.

– И всё?

– Да. Но в этом – всё! Это оптимальная стадия отношений... Сам прикинь – ты живешь вместе с девушкой. Соответственно, убирает, гладит, поддерживает порядок и чистоту в доме – она. От тебя требуется только совсем уж не свинячить. Ну и помогать время от времени на кухне. Всё! Остальное делает она.

– У меня то же самое и в законном браке. Да и у большинства так.

– Вот именно! – воскликнул Летков. – Получается, сожительство с женщиной имеет такие же плюсы, как и брак с ней. Но при этом не имеет недостатков! Взять ту же зарплату. Законная жена всегда может потребовать от мужа отчет – в сожительстве девушка не лезет в твой кошелек. Конечно, трат все равно больше, чем жить одному, но *заставить* тебя отчитаться она не может. Или, например, – свобода действий. Оля может сказать тебе: «В эти выходные едем к моим родителям», – и никуда ты не денешься. А при сожительстве свобода сохраняется. И происходит это естественно, без особых напрягов. Девушка просто плохо знает друзей, совсем не знает родственников – всегда можно придумать тысячу благовидных причин, по которым ты будешь занят несколько дней. И это не просто голые слова – я экспериментальным путем к этому выводу пришел. Сожительство – почти идеальные отношения.

– Почти? А недостаток в чем?

– Единственный недостаток сожительства по сравнению с законным браком – нет детей. Но это даже на любителя. Для многих мужчин, которых я знаю, наличие детей вообще не принципиально. Дети – больше женская необходимость, – затушив сигарету в пепельнице, Летков положил ногу на ногу и, снова откинувшись на стуле, расплылся в самодовольной улыбке, оголив оба ряда своих аккуратных белых зубов. – Я как развелся – реально ожил! Все это лето отрывался по полной. С августа вместе с девушкой живу. В Таиланд с ней слетали – неделю назад вернулись. Это рай!.. Ты не представляешь, как душит брак. Я сам не представлял! Когда женат – этого так не ощущаешь. Только снова став свободным, понимаешь всю прелесть

жизни, – раскрасневшееся лицо Легкова приобрело ликующее выражение. – Я по-настоящему ожил!

Юрий слушал друга со сдержанной улыбкой на лице. Во многом он был солидарен с Легковым и прежде сам не раз прямо выказывал зависть его статусу неженатого мужчины, рассуждая о преимуществах холостяцкой жизни, но сейчас, напротив, неожиданно испытал очень сильное желание выразить свое категорическое несогласие с мнением друга. Безапелляционно заявляя, что брак – это одна сплошная морока, каторга и что жизнь женатого мужчины даже и сравнить нельзя с жизнью холостого, Летков самым очевидным образом хвастался своим положением. Делал он это не осознанно, а просто, будучи искренним с другом, свободно и открыто делился своими эмоциями, но все его слова, движения тела, сияющее самодовольной радостью лицо ясно выражали внутренний посыл: как великолепно быть холостым и как он один сейчас счастливее и умнее всех женатых «дурачков» вместе взятых. Они кричали об убежденности Легкова в безусловном превосходстве своего текущего статуса, в том числе и над женатым другом, сидящим сейчас перед ним. И почувствовав это, Юрий испытал вдруг очень сильное внутреннее желание возразить Легкову, высказать колкую насмешку, каким-либо способом поддеть, даже принизить, как это только возможно, значимость его текущего положения, и побуждаемое внезапным стремлением подсознание его мгновенно нашло наилучший способ, как это сделать.

– У нас в институте работает очень интересная женщина – заведующая кафедрой английского языка, – начал он, когда друг замолчал. – Мне как-то довелось пообщаться с ней, и она произвела на меня сильное впечатление.

– Э-э, да ты не запал на нее, случаем? – приподняв подбородок, с манерами совершеннейшего победителя, шуткой прервал его Летков.

– Хах, – коротко усмехнулся Юрий, сделав это только для приличия и желая скорее продолжить. – Не-ет. Она взрослая женщина и впечатление произвела не внешностью, а развитым эрудированным умом. Так вот, по учебной необходимости ей приходилось не раз стажироваться в США, где она подолгу жила, изучая местную культуру и обычаи. Она рассказывала мно-ого любопытных наблюдений и среди прочего – что у американцев есть одно интересное убеждение. Суть его: если у человека, взрослого человека, нет семьи – значит, с ним что-то не так.

Неторопливо отчетливо проговорив каждое слово в своей последней фразе, Юрий лукаво сощурился и значительно посмотрел на друга.

– Не понимаю, – после недолгого молчания сказал Летков. Ликующая самодовольная радость исчезла с его лица, и только на губах осталась неуверенная, призванная скрыть внутреннее замешательство улыбка. – Что «не так»?

– Неважно что. Просто: если у взрослого человека нет семьи – значит, с ним что-то не так.

– Хэ-х, – какой-то искусственной, напускной усмешкой хмыкнул Летков. – Ничего не понимаю... Про какого человека вообще речь?

– Да про любого. Про любого человека. Про твоего соседа по квартире: если у него нет семьи – с ним что-то не так. Про твоего тренера по плаванию: если у него нет семьи – с ним что-то не так. Про коллегу с работы... – тут Юрий оживился и сощурил глаза, будто припомнив что-то. – Про коллег, кстати, она интересно говорила: у американцев принято иметь фотографии семьи (жены, мужа, детей) на рабочем месте. Это даже по их фильмам можно видеть... Так вот, если у коллеги нет семьи – что-то с ним не так.

– Ну и в чем смысл?

– В этом и есть смысл. Не имеет существенного значения, *что* не так. Может быть, этот человек властный эгоист и не способен ужиться с людьми; может быть, он является членом сатанинской секты; может быть, он латентный гомосексуалист; или, может быть, он пердит по

ночам так, что невозможно находиться с ним в одной квартире. Это не важно! Все это – детали. Суть же одна: если у человека нет семьи – значит, с ним что-то не так!

Глава VII

Летков молчал. Речь Юрия родила в нем множество мыслей, и он некоторое время не мог толком сосредоточиться. Но еще более, чем мыслей, в нем вдруг возникло неясных чувств и ощущений, так что в те минуты, когда он еще даже не до конца осознал слова друга (не говоря уже об их глубинном посыле), в душе, на уровне подсознания, им уже вполне ощущался характер того, что подразумевалось. Он сидел нахмурившись, нервно вертя в обеих руках пустую бутылку из-под пива.

Юрий, в свою очередь, не особо задумываясь над тем, зачем говорил это другу, как он это говорил, стоило ли вообще это делать. Он просто действовал, повинаясь своему внутреннему побуждению, которое настойчиво, с безусловной уверенностью требовало от него высказать сейчас эти мысли, а высказав их, испытал чувство глубокого удовлетворения. Удовлетворения одновременно своим лаконичным рассуждением и тем, как красиво он сбил с друга его преисполненную самодовольства браваду.

– Вон и Глеб с Ринатом, – вдруг встрепенулся Юрий, вытягивая шею и заглядывая за плечо товарищу.

Летков развернулся. Завязин и Ринат, уже переобувшись, захватив из бара каждый по бутылочке, шли к столику.

– Вот картина. Ха, – увидев друзей, негромко усмехнулся Летков. – Я никогда раньше и не замечал, что прям такая разница.

– Не говори, – тоже с улыбкой наблюдая за друзьями, ответил Юрий. – Принцип контраста в действии.

Глеб Завязин шел слева. Это был высоченный, за два метра, мужчина с красивым мощным торсом, крупными волосатыми ручищами и массивными ногами. Он впечатлял своей внушительной наружностью и при этом имел вполне гармоничное, атлетическое телосложение. Невероятных размеров рельефная грудная клетка венчалась сверху широкими плечами, крепкой, на вид твердой, как кость, шеей и такой же основательной головой. Лицо у Завязина было под стать телосложению: мускулистое, с крупными чертами, внешности больше европейской, но за которой явственно пробивались азиатские следы, столь свойственные русским за Уралом; круглые скулы и подбородок выдавались вперед, небольшой нос с короткой переносицей был как бы приподнят к карим, несколько утопленным глазам, над которыми нависал плоский скошенный назад лоб, покрытый челкой черных кудрявых и жестких волос. Завязин в свои сорок с небольшим был уже далеко не первой молодости, но казалось, что именно теперь он находится в расцвете сил, просто потому, что еще больший расцвет сложно было представить. Он шел не спеша, медленно передвигая своими гигантскими ногами, тогда как его спутнику, чтобы только поспевать за ним, приходилось двигаться ровно в два раза энергичнее.

Ринат Гатауллин, молодой мужчина лет двадцати семи с ярко выраженной татарской внешностью, шел рядом с Завязиным, что-то оживленно рассказывая и вовсе не смотря на друга. Он даже не предпринимал попыток заглянуть в лицо слушателя, потому что ему понадобилось бы задрать голову чуть ли не вертикально вверх, да и в этом случае он мало что смог бы разобрать из-под нависавшего над ним широкого мускулистого плеча. Ринат был очень низкого роста и скромной, даже миниатюрной комплекции, с узким торсом, тонкими руками и ногами. Со стороны он вполне мог показаться физически плохо развитым, хилым человеком, но это было обманчивое впечатление: не обладая значительной мышечной массой, Ринат имел очень жилистое строение, заключающее в нем недюжинную силу и упругость. Смуглое поджарое лицо его было чуть вытянуто, с мясистыми губами, широким с горбинкой татарским носом, черными как смоль волосами и густыми разросшимися бровями над большими, чуть выпученными темно-кариими глазами.

В присутствии кого-нибудь более-менее стандартного телосложения визуальная разница между Завязиным и Ринатом несколько сглаживалась и не была столь ощутимой, но, увидев сейчас их вдвоем, рядом, на расстоянии и в движении, Летков с Юрием были порядком изумлены – один был по виду раза в три крупнее другого. Ринат со свойственной ему живостью поспешал за другом, и это смотрелось для его компактного телосложения столь же естественно, как медленное вышагивание для громадного Завязина; заметив же сидящих за столиком Легкова и Юрия, он в знак приветствия вытянул вверх руку, и его маленькие по-женски тонкие пальцы оказались как раз на уровне подбородка идущего рядом товарища.

– Ну что – за встречу, да и начнем? – подняв в воздух бутылку пива, весело предложил Летков, после того как все по очереди поприветствовали друг друга. – А то мы заскучать успели, пока вас ждали.

– Вы пейте. Я на машине, – сказал Ринат.

– Ну елки-палки, – досадливо проговорил Летков под аккомпанемент разочарованных восклицаний Юрия и Завязина. – А это что у тебя?

– Газировка. Мохито безалкогольный.

– Что за ерунда?! Зачем ты вообще машину брал? Приехал бы на маршрутке – знал же, куда собираешься.

– Не пью – поэтому и на машине.

– О-о-о! – хором протянули друзья, переглядываясь с насмешливыми улыбками. – Что? Лечишься?

– Да.

– Снова от какой-нибудь девахи букет себе подцепил?

– Точно, – тоже просиял в не менее довольной улыбке Ринат.

Ринат был заядлый ходок по части женского пола, и время от времени с ним приключалось что-нибудь подобное. В такие моменты друзья откровенно подшучивали, даже насмеялись над непутевостью товарища, то и дело оказывавшегося в столь глупых ситуациях, всюю наслаждаясь ощущением своего превосходства, но он все равно никогда не скрывал этих случаев; наоборот, всячески старался проявить: они поддерживали его репутацию заядлого женского покорителя, сами по себе свидетельствуя о новых победах, а это была одна из главных составляющих жизни Рината.

– Что, снова презервативов поблизости не оказалось? – весело поинтересовался Завязин.

– Так получилось, – пожал плечами Ринат с деланным сожалением на лице, из-под которого струилась самодовольная радость.

– Тебе их надо к трусам пришивать, чтобы всегда под рукой были! – весело сказал Юрий, и все четверо взорвались в хохоте.

– Да! Ха-ха!.. Ленту в двенадцать штук вдоль резинки – как патронташ у мексиканца из вестерна! Ха-ха-ха! – воскликнул Летков.

– А-ха-ха!.. Се... Ха-ха!.. Секс-ковбой! – еле выговорил от душившего его смеха Юрий, представив невысокого смуглого Рината в одних трусах с лентой презервативов на поясе.

Новый шквал хохота накрыл компанию.

Ринат веселился вместе и наравне с друзьями. Все эти разговоры льстили ему и доставляли даже большее удовольствие, чем самим шутникам.

– Ха-х!.. Ну что, играть-то будем? – раздался мощный и в то же время звучный голос Завязина, когда хохот друзей начал стихать.

Завязни любил играть в боулинг, и главное, потому, что он всегда выигрывал. В его случае задача была проста: шар должен был задеть первый номер, и тогда ни у одной кегли в пирамиде не оставалось шансов – они разлетались в разные стороны, как игрушечные.

Завязни вытащил из нагрудного кармана рубахи очки и аккуратно надел их на короткую переносицу. Небольшие по размеру прямоугольные стекла в тончайшей золотистого цвета

металлической оправе выглядели как пенсне на его матером лице, но, как и все очки, моментально добавили его виду ауру серьезности и сосредоточенности.

Выведя на экран имена игроков, Завязни взял со стойки шар и пушечным ядром запустил его по дорожке. Пирамида разлетелась со страшным грохотом.

Глава VIII

– Слышали про педофила? – сделав свои броски, обратился к друзьям Юрий.
– Что-то ты тормозишь, – усмехнулся Ринат. – Его еще два месяца назад поймали, – сказал он и, хорошенько затянувшись, выпустил в воздух несколько плотных колец табачного дыма.

– Ты про того, который в К-но орудовал? – спросил в свою очередь Завязни.

– Да.

– Того-то действительно поймали. Сейчас новый объявился.

– Во дела, – изумился Легков. – Получается – третий за год. Это модно, что ли, стало – педофильничать? Как грибы плодятся.

– Да. Третий, – продолжил Завязни. – Его уже и заснять успели. Камера у школы зафиксировала. Примерно двадцать пять лет мужику. Подкарауливает мальчиков лет восьми-десяти, следует за ними до подъезда и там насилует... И как ты не знаешь? – удивленно посмотрел он на Рината. – Во всех магазинах по району его фоторобот висит.

– Мальчиков, – задумчиво проговорил Легков. – Для меня это вообще непонятно – мальчиков насиловать.

– А девочек что? Понятно? – спросил Завязни.

– Ну-у... Все-таки – девочки, – неуверенно ответил Легков. Он почувствовал, что ляпнул глупость, но промолчать сейчас означало бы признаться в своей неправоте, и, не желая идти на это, он бессознательно поспешил сказать хоть что-нибудь в поддержку первого утверждения.

– У тебя просто детей нет. Ты раздень мальчика и девочку восьми лет. Между ними разницы почти не будет. Что мальчик, что девочка – надо быть совсем съехавшим, чтобы такое совершить.

– А я слышал, в О-хе эксгибиционист завелся, – сказал Юрий.

– Да-а-а... – скучно протянул Ринат, будто услышав что-то совсем старое и порядком надоевшее. – Этот «черный плащ» там уже давно скачет. Недели не проходит, чтобы он перед кем-нибудь своей колбасой не потряс, – продолжил он так весело и легко, что вся компания дружно рассмеялась.

– Там ведь горнолыжная база. Я думал, как снег установится, съездить покататься.

– Ха-ха-ха! – вдруг еще веселее захохотал Ринат. – Прикинь, едешь на лыжах, а из леса вылетает за тобой вдогонку такое чудо. Тоже на лыжах, и плащ ветром сзади развевается. Мигом вниз слетишь оттуда...

Все опять засмеялись.

Друзья веселились вовсю, наслаждаясь компанией, пивом и игрой. Завязни, как обычно, запускал шары прямо по центру, и с сумасшедшей скоростью посланные им тяжеленные шестнадцатые (единственные, в которые только пролазили его плотные пальцы) эффектно разбирали выстроенные на дорожке кегли. Он ушел по очкам так далеко вперед, что у друзей уже не было шансов догнать его, но это их и не беспокоило: они вообще не воспринимали Завязина как соперника, а просто любовались его сериями нескончаемых страйков. Полноценная борьба у них была только между собой, неизменно острая из-за несущественной разницы в классе, так что по счету они всегда шли очень близко друг к другу.

Сейчас впереди были Легков с Ринатом. Юрий же отстал, и это обстоятельство ощутимо портило ему удовольствие от вечера. Он давно уже заметил, что когда проигрывал, то не мог в полной мере наслаждаться общением с друзьями; вот и теперь он сидел сосредоточенный, регулярно поглядывая на счет, слушая разговоры приятелей вполуха и поминутно возвращаясь мыслями к игре. Юрий детально разбирал в уме каждый свой неудачный удар, тщательно раздумывая над тем, как нанесет следующий, но, странное дело, чем больше он сосредотачи-

вался на бросках, тем хуже они получались. У Рината с Легковым, напротив, игра шла вовсю: выбив даже по несколько страйков, они с азартом обгоняли по очереди один другого.

– Как бы завтра спину не прихватило, – сказал Легков, усаживаясь после очередного броска за столик.

– Сексом надо чаще заниматься, – примериваясь к шару, заметил ему Ринат. – Во время секса работают все группы мышц. Идеальная физическая тренировка.

– Ага. Если только не в миссионерской позе, конечно, – усмехнулся Завязин.

– А ведь у кого-то так всю жизнь и бывает: в миссионерской позе с выключенным светом – «мы делаем детей», – с усмешкой сказал Легков.

– Настоящий кошмар, – покачал головой Ринат.

– В принципе, так оно и есть, – с хмурым видом включился в разговор Юрий. – Удовольствие от секса – это механизм, сформированный природой для того, чтобы отдельные особи, такие, как мы, постоянно хотели заниматься им и тем самым воспроизводили себя.

– Может, и так, конечно, – вернувшись за стол, ответил Ринат. – Но мы на то и люди, что способны заниматься сексом именно для удовольствия. Мы можем всячески разнообразить это занятие таким образом, чтобы усилить приятные ощущения. Секс может быть искусством.

– Да. Это чисто человеческая прерогатива, – в безрадостной полуулыбке приподняв один край рта, продолжил Юрий. – Прерогатива разумного существа разнообразить половую жизнь и тем самым усилить удовольствие от секса. Гомосексуализм, эксгибиционизм, педофилия – исключительно человеческие проявления. Ни одно животное на это не способно.

После слов Юрия, который будто предъявил друзьям обвинение, смех и легкость в общении пропали, и с минуту все сидели молча.

– Зачем я вообще столько пива купил? – вновь широко улыбнувшись, разрушил тишину Летков. Осушив один бокал шампанского, он отставил его в сторону и тут же придвинул к себе другой – полный.

Две из четырех принесенных Легковым бутылок так и оставались нетронуты, потому что весь столик был заставлен шампанским. За три страйка подряд в заведении давали бокал игристого, и официантка только успевала носить друзьям новые порции напитка, безостановочно зарабатываемые Завязиным.

– Глеб, а там кроме шампанского что-нибудь дают? – заметив приближающуюся официантку, спросил Ринат. – Что-нибудь безалкогольное?

– Да. стакан колы за два страйка подряд.

Попросив девушку в следующие два раза принести вместо шампанского колу, Ринат достал из кармана мобильный телефон.

– Новая любовница моя, – открыв один из снимков, он протянул аппарат друзьям и продолжил со сдержанным солидным удовольствием: – Сейчас окучиваю. Классная студенточка. Думаю, что за пару свиданий я ее распечатаю.

Летков взял телефон. На экране была запечатлена стоящая возле дерева молодая девушка: имея довольно полную комплекцию, она вместе с тем выглядела вполне мило, насколько это можно было понять по темной фотографии на маленьком экране телефона.

– Что-то уж слишком толстая, – заметил Летков, протягивая телефон Завязину.

– Лучше качаться на волнах, чем биться о скалы, – иронично ответил Ринат.

– Нафиг-нафиг. Пару раз накрывали меня такие волны – недолго и утонуть.

Взяв телефон, Завязин лишь мельком заглянул в него и, не говоря ни слова, передал дальше. Но, видимо, в этот момент кто-то из друзей нечаянно сбросил открытую фотографию, потому что, посмотрев на экран, Юрий увидел только заставку телефона. Его взору предстало великолепное загорелое женское тело с ровной бархатистой кожей, умопомрачительной в своих изгибах талией, изящной стройной спиной и волнующе выглядывающей с одной ее стороны

округлостью большой упругой груди. Тело женщины покрывали крупные капли воды, сияющие отражавшимся в них светом и придававшие коже изумительно-драгоценный блеск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.